

УДК 930.2(510)

**ИСТОЧНИКИ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ
В ИЗУЧЕНИИ КИТАЯ**

М.В. Иванова

Томский политехнический университет

E-mail: ivanova@tpu.ru

Иванова Маргарита Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и регионоведения Института социально-гуманитарных технологий ТПУ.

E-mail: ivanova@tpu.ru

Сфера научных интересов: история востоковедения в России.

Показаны особенности литературных произведений (путевых записок российских писателей разных эпох) как исторических источников. Сделан вывод об их значительной научной ценности для изучения исторических процессов и в Китае, и в России.

Ключевые слова:

Источники личного происхождения, путевые записки, фактор времени, толерантность.

Современный Китай – страна, о которой говорят и пишут на разных уровнях и разные люди – политики, ученые, журналисты, писатели. И это объяснимо. Заняв второе место по объему ВВП, КНР уверенно вмешивается в расстановку экономических, а следовательно, и политических сил на мировой арене. Но нынешний интерес к Китаю имеет также глубокие исторические корни, хотя их сущностная составляющая на протяжении веков менялась.

В России интерес к Китаю на государственном уровне явно обозначился в XVII в., когда в результате присоединения Сибири и Дальнего Востока Россия и Китай стали непосредственными соседями. Факты, свидетельствующие о желании России установить отношения со своим великим восточным соседом, общеизвестны. Естественным было и стремление к изучению Китая, которое Петр I поставил на государственный уровень. Одно из проявлений его – Пекинская духовная миссия (ПДМ), вклад которой в накопление и осмысление знаний о Китае трудно переоценить. С именами ученых, прошедших школу ПДМ, связано становление и развитие российской синологии в XVIII–XIX вв.

Российское востоковедение, возникнув как наука в XVIII в., за время своего существования обрело мощную источниковую базу. Среди многообразия источников достойное место занимают и источники личного происхождения.

Объект данной работы – источники личного происхождения (путевые записки российских литераторов о Китае), относящиеся к XVII–XX вв. Цель работы – выявление особенностей восприятия Китая писателями разных эпох и специфики отражения исторической действительности в их трудах.

На протяжении XVII–XX вв. немало россиян, так или иначе представляющих литературный цех, побывав в Китае, посчитали своим долгом поделиться впечатлениями об увиденном и услышанном. В 2008 г. появилась книга «Китай у русских писателей», составленная А.Д. Романенко [1]. Материалы этой книги и составляют источниковую базу настоящей работы. Предметом анализа в ней будут извлечения из трудов Н. Спафария, И.А. Гончарова, Н. Гарина-Михайловского, Г. Серебряковой, С. Кожевникова, Б. Полевого, опубликованные в вышеназванной книге.

Н. Спафарий – молдавский боярин. С 1671 г. он находился на службе в Посольском приказе России. В течение нескольких месяцев Н. Спафарий, возглавляя российское посольство, пребывал в Пекине, был даже принят китайским императором. По возвращении в Москву представил официальный отчет о деятельности миссии – Статейный список, а также написал труд, в котором отразились его личные впечатления о пребывании в Китае.

И.А. Гончаров – автор книги путевых очерков «Фрегат Паллада». На этом корабле он в 1852–1854 гг. совершил кругосветное путешествие. Маршрут этого путешествия включал и два китайских города – Шанхай и Гонконг.

Н.Г. Михайловский (Н. Гарин-Михайловский) также совершил кругосветное плавание, но в 1898 г. Частью (правда, незначительной) путешествия были Корея, Китай (Маньчжурия, Ляодунский полуостров). В этих странах Н. Гарин-Михайловский выполнял задания, связанные с их изучением. Получение им этих заданий понятно, если учесть события, которые происходили в то время в данном регионе, а также профессиональную деятельность писателя как инженера-путейца. Литературным итогом Н. Гарина-Михайловского стала книга «По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову», основу которой составили дневниковые записи писателя.

Источниками по советскому периоду стали для автора статьи труды Г.И. Серебряковой, С.Е. Кожевникова, Б.Н. Полевого. Г.Е. Серебрякова – писательница, журналистка – жила в Пекине в 1926–1927 гг., где в это время находился на дипломатической службе ее муж Л.П. Серебряков. С.Е. Кожевников в 1953–1956 гг. работал в Китае в качестве корреспондента «Литературной газеты». Б.Н. Полевой посетил Китай осенью 1956 г. в составе небольшой делегации советских писателей.

Выбор авторов, по мнению автора настоящей работы, позволяет реализовать заявленные цели.

Записи литераторов о Китае, которые будут предметом анализа, относятся в исторической науке к группе источников личного происхождения. В эту группу, как известно, входят мемуары, письма, дневники [2. С. 289, 329, 353]. Труды авторов, чьи имена названы выше, не являются мемуарами, т. к. писались они, как правило, по горячим следам. Иными словами, сколько-нибудь существенной деформации в воспоминаниях такого ряда не просматривается. Анализируемые труды опирались, хотя и в разной степени, на дневниковые записи, однако однозначно отнести их к жанру дневников также нельзя. Дневники как жанр источников личного происхождения предполагают длительную и систематическую фиксацию событий. Такая фиксация «нашими» авторами не производилась, к тому же имевшиеся дневниковые записи при литературной обработке, подготовке трудов к публикации дополнялись багажом памяти.

Скорее всего, анализируемы труды – это путевые заметки, сочетающие в себе черты мемуаристики и дневников (в дальнейшем анализируемые труды будут называться путевыми заметками при полном понимании автором всей условности такого названия). Специфика их заключается и в том, что все они имеют художественную форму, т. е. являются литературными произведениями. Это обстоятельство делает необходимым обращение к характеристике художественных средств и приемов, применяемых авторами.

Путевые заметки авторов различны по своему объему. Это вполне объяснимо, поскольку продолжительность их пребывания в Китае не была одинаковой. Однако это обстоятельство, тем не менее, не является препятствием для сравнения их в содержательном плане.

Труд Н. Спафария отличается тематической многогранностью. Он включает в сведения о географическом положении Китая, его рудных и нерудных богатствах, климате, государственном устройстве, занятиях населения, его обычаях, нравах, традициях. Многие сведения были почерпнуты автором из китайских – и не только – письменных источников, в то время еще не известных в России. «Буде же поверим китайским подлинным книгам», «многие их книги философские древние пишут», «также и Марко Павел, венецианин, пишет» – подобные ссылки разбросаны по всему тексту Н. Спафария [1. С. 21, 26, 29].

Однако труд Н. Спафария не является простым пересказом почерпнутой из книг информации – в нем немало наблюдений самого автора, сопровождаемых его эмоциональными суждениями. Даже в «чужой» информации чувствуются авторские вкрапления, передающие его чувства: восхищения (например, многочисленностью, «множеством» населения Китая, открытиями, обогатившими Европу), удивления (по поводу «ходячих городов») и т. п. [1. С. 28].

Жители Китая предстают перед читателями как люди исключительно трудолюбивые. Н. Спафарий неоднократно подчеркивает, что они «труждаются и работают непрестанно» [1. С. 33]. Достойным всякого подражания считает Н. Спафарий уважение китайцев к родителям и учителям («превосходят все народы в почтении родителей и учителей своих»), их воспитанность («На улицах кричать или пьяну ходить, или шуметь, или глазами играть, то у них признак есть злого человека, а божиться или скверных слов отнюдь не услышишь» [1. С. 35]). В то же время наблюдательный Н. Спафарий подмечает и хитрость, изворотливость китайцев, особенно в торговых делах.

Со знанием дела описывает Н. Спафарий искусство китайских ремесленников. Он воздает должное их превосходству в производстве шелка, фарфора, литье пушек, книгопечатании, вышивании шелком птиц, цветов, но критически оценивает их живопись. «Пишут и живописное, только худо, не умеют бо еще мерить и краски творить на олифе», – констатирует он [1. С. 34].

Представляется, что труд Н. Спафария по своему содержанию вполне адекватен заказу своего времени – времени первоначального узнавания Китая в России. Но, пожалуй, труд этот особо значим тем, что его автор закладывал основы традиции уважительного отношения россиян к китайскому народу.

Труды путешественников XIX в. – И.А. Гончарова, Н. Гарина-Михайловского – это классические путевые записки. Они как представители образованной части российского общества оказались в Китае уже с достаточным багажом знаний о нем, накопленных не одним поколением русских синологов. Но оба писателя пребывали в Китае в очень непростые для него времена.

В учебниках, научной литературе эти времена обозначаются такими формулами, как начало превращения Китая в полуколониальную страну, борьба империалистических держав за сферы влияния и т. п.

Путевые записки И.А. Гончарова (середина 1850-х гг.) воспроизводят заложенную в этих формулах реальность на уровне несистематизированных кусочков, фрагментов жизни, пропущенных, к тому же, через субъективное, эмоциональное, образное восприятие писателя. В путевых записках, естественно, не раскрываются причины и цели появления европейцев в Китае. Но разбросанные по всему тексту свидетельства о присутствии англичан, французов в стране (европейские кварталы в городах, корабли в портах и т. п.), наблюдения писателя об отношении их к китайцам воссоздают ситуацию, полную драматизма, а также со всей определенностью высвечивают позицию автора.

Он, например, явно не приемлет поведения молодого английского офицера, который «без церемонии брал за косу и оттаскивал в сторону» китайца, который, не заметив офицера, не «сторонился дороги». Не по душе ему и поведение другого английского офицера, поколотившего палкой двух китайцев, которые «проехали по земле, отведенной для прогулок англичанам», по ступки хозяина трактира, англичанина, избивавшего своих слуг-китайцев [1. С. 100, 101]. Негативное отношение писателя к подобным фактам, судя по всему, обуславливается его личностным неприятием любого унижения человеческого достоинства. Он с пронзительной точностью передает чувства китайца, которого оттаскали за косу: сначала оторопь, затем улыбка подавленного негодования. Негативное отношение к поведению англичан усиливается наблюдениями И.А. Гончарова. «А здесь я, – пишет он, – не видел насмешливого взгляда, который бы китаец кинул на европейца: на лицах видишь почтительное и робкое внимание» [1. С. 100].

В записках И.А. Гончарова есть суждения, выходящие за рамки конкретных наблюдений, хотя, безусловно, и спровоцированные ими, о том, что на языке исторической науки принято называть английским колониализмом, английской политикой в колониях. Так, он пишет: «Вообще обращение англичан с китайцами, да и с другими народами, особенно подвластными им народами, не то чтоб было жестоко, а повелительно, грубо или холодно-презрительно, так что смотреть больно. Они не признают эти народы за людей... на их же счет обогащаются, отравляют их, да еще и презирают свои жертвы» [1. С. 101, 102]. Можно предположить, что такого рода суждения – отражение не только толерантности писателя, но и отражение понимания им усиливавшейся в то время остроты столкновения интересов Англии и России на Востоке.

Из описаний И.А. Гончарова вырастает целый ряд образов. Объектом его внимания в Шанхае стали носильщики, которые, по его замечанию, попадают на каждом шагу, одежда которых не в грязи, с которыми не страшно встретиться, потому что они никого не толкнут, могут даже уступить дорогу другим [1. С. 87]. В деревеньке под Шанхаем («хижины из бамбука, без окошек, с одними дверями»), потонувшей в грязи, смрадном запахе, он видит не только это. «... Несмотря на запах, на жалкую бедность, на грязь, – пишет он, – нельзя было не заметить ума, порядка, отчетливости, даже в мелочах полевого и деревенского хозяйства... всякая вещь обдуманно, не как-нибудь, применена к делу; все обработано, окончено, не увидишь кучки соломы, небрежно и не у места брошенной, нет упавшего плетня...» [1. С. 96]. Эти и другие подобные картинки создают образ работающего, умного, привычного к порядку, преодолению тягот жизни народа.

На описываемой И.А. Гончаровым набережной в Шанхае встречаются и «великолепные европейские дома с колоннадами, балконами, аристократическими подъездами», и «купец, обригтый донельзя, с тщательно заплетенной косой», и «чернорабочий, без шапки, обвинивший за недосугом чесаться, косу дважды около вовсе «нелилейного чела», и куча народа в ожидании найма, и цирюльник, и ходячая кухня и т. д. [1. С. 88]. Это описание создает образ того, что на языке исторической науки называется сближением Востока и Запада. Но тонкий наблюдатель И.А. Гончаров одной фразой подмечает сложность, небеспроблемность этого сближения: «Идет европеец – и толпа полегоньку сторонится, уступает место» [1. С. 88].

Выразительность описаний достигается писателем многими приемами. Так, свое впечатление от китайского базара он передает настолько образно и красочно, что каждый читатель может пережить ощущения своего присутствия на нем. Перечисляется множество продаваемых товаров (шелк, чай, груды фарфоровой посуды, обилие блюд, охапки хлопчатой бумаги, живые и мертвые утки, рыбы разных сортов, дичи невероятное количество и т. д.), предельно точно обозначается «география» базара («длинные бесконечные, крытые, или, лучше сказать, коридоры, тянутся по всем направлениям»). Так же точно передается атмосфера базара: «вращается огромная толпа», «с удивительной ловкостью пробираются носильщики», «разносчики кричат». Описание включает в себя и ароматы, которые окружают человека на базаре: «... китайская простонародная кухня обилием блюд, видом, вонью и затейливостью перещеголяла нашу».

Выразительность усиливается метафорами («море, реки, земля, воздух – спорят здесь, кто больше принес в дар человеку, – и все это бросается в глаза... это бы еще не беда, а то и в нос»), сравнениями (описание китайского базара строится на сопоставлении его с московским толкучим рынком или ярмаркой провинциального губернского города). Из этого описания, как и многих других, вырастает у И.А. Гончарова обобщение, образ – «полная картина китайского народонаселения, без всяких прикрас, в натуре» [1. С. 90], находящегося в движении («все копошится, сгружает, нагружает, торопится, говорит, перекликается...» [1. С. 88]).

Рассказы И.А. Гончарова нередко окрашиваются иронией – к примеру, при описании сценки схватки своего слуги с кули [1. С. 74], английского завтрака в гостинице [1. С. 84], замечания по поводу английского характера. «Всюду, куда забрались англичане, вы найдете чистую комнату, камин с каменным углем, отличный кусок мяса, херес и портвейн, но не общество», – констатирует он [1. С. 97]. Ирония писателя – способ оттенить, усилить смысл увиденного и услышанного им. Так, констатируя факт широкой эмиграции китайцев «во все стороны, на все окрестные и дальние острова, до Явы с одной стороны, до Калифорнии – с другой», И.А. Гончаров задает вопрос: «Я удивляюсь, как их еще по сию пору нет на мысе Доброй Надежды?» [1. С. 77].

В целом в путевых записках И.А. Гончарова складывается образ Китая как страны, находящейся в движении, в отличие от образа Китая – застывшего монолита у Н. Спафария. Это движение проходит через весь текст китайской части книги писателя. И именно этот уловленный им взглядом художника ритм вселил в него уверенность в том, что «этому народу суждено играть большую роль в торговле, а может быть, и не в одной торговле...» [1. С. 77], позволил сделать обобщение научного уровня.

Путевые записки Н. Гарина-Михайловского во многом схожи с таковыми И.А. Гончарова по точности, выразительности. Мысли, суждения автора не носят абстрактного характера – они обобщают увиденное им. Например, писатель дает описание китайской женщины: «Несчастливая калека на своих копытах вместо ног. Походка ее уродлива, она неустойчиво качается...» [1. С. 182]. Затем он воспроизводит легенду о Конфуции [1. С. 182–184]. Далее этот материал обобщается в суждении писателя о роли традиций в Китае. «Так великий Конфуций ковал свой народ, пока не заковал его всего в заколдованном круге, где нет дороги вперед, нет дороги назад, где все стоит на месте...», – пишет Н. Гарин-Михайловский [1. С. 184]. Как видно из приведенного примера, его настрой достаточно пессимистичен.

Думается, такой настрой не может быть объяснен какой-либо случайностью. Следует вспомнить, на какое время приходилось путешествие Н. Гарина-Михайловского. В 1896 г., как известно, между Китаем и Россией был подписан договор о строительстве КВЖД, сдаче России в аренду двух портов на Ляодунском полуострове (Порт-Артура – Льюйшуня и Дальнего – Даляня). Так что пребывание писателя на Ляодунском полуострове приходится уже на период «освоения» русскими этой территории. «Чем ближе к Порт-Артуру, тем больше заметно присутствие рус-

ских. На узком перешейке, между двумя морями, где видны оба берега, посреди перешейка возвышается целая земляная крепость. Тут же лагерь русский», – записывает в дневнике Н. Гарин-Михайловский 27 октября 1898 г. [1. С. 192].

В картину «русского освоения» полуострова писатель включает наблюдения, которые внушают ему чувство тревоги относительно развертывающегося на его глазах процесса. Так, он описывает сцену встречи на дороге китайских и русских экипажей, когда русские «без церемонии рвались и требовали, чтобы китайцы сворачивали немедленно, хотя бы от этого китаец рисковал своей неуклюжей запряжкой свалиться под откос» [1. С. 193]. «Быстрота и беспрекословность, – замечает автор записок, – с которой китайцы торопились исполнять эти требования, казалось, удовлетворяли кричавших, но не думаю, чтобы они удовлетворили китайцев. На меня, по крайней мере, все это производило тяжелое впечатление чего-то старого-старого, давно забытого...» [1. С. 193]. С явной горечью воспроизводится Н. Гарин-Михайловским уличная сценка, «когда пехотный солдатик, с бляхой городского, ведет, держа по косе в каждой руке, двух китайцев» [1. С. 194]. Писатель напоминает, что коса у китайца, пожалуй, священнее, чем борода у русских, поэтому «на лицах китайцев стыд и растерянность, встречные китайцы с опущенными глазами угрюмо сторонятся» [1. С. 194].

Представляется, что тревожный окрас китайских впечатлений Н. Гарина-Михайловского – это не только отражение увиденного им, но отражение настроений в той части российского образованного общества, которая выступала с осуждением оккупации Маньчжурии Россией и ее участия в интервенции Китая.

Среди художественных приемов следует особо отметить включение в записки диалогов (они были и у И.А. Гончарова, но не в такой мере). Их использование, во-первых, усиливает впечатление достоверности, во-вторых, делает читателя спутником писателя, что также способствует восприятию авторского видения описываемого.

Г.И. Серебрякова – это уже новая художественная культура. Более или менее образованный человек, ознакомившись с ее «Зарисовками Китая», не зная, кем конкретно они написаны, сможет со всей определенностью сказать, что автор – представитель советской интеллигенции. Свообразными индикаторами такого распознавания будут марксистская терминология (феодализм, буржуазия, пролетариат, классовое неравенство), описание обычаев под углом зрения социального неравенства, сам выбор сюжетов.

Интересно сопоставить образ Китая у Г.И. Серебряковой с образами И.А. Гончарова (Китай – деятельный, в целом покорный, но с великим будущим), у Н. Гарина-Михайловского («способный, но бедный и жалкий, но обещающий в будущем очень много»). Оказавшись в Пекине, она была поражена европеизированностью города и задалась вопросом: «Где же Китай?» [1. С. 308]. Ответ на него при дальнейшем знакомстве с городом она сформулировала кратко, но достаточно емко: «Китай тут, рядом и загнанный – он грозен» [1. С. 309]. Как видно, предвидения писателей, побывавших в Китае в разное время, о будущем этой страны и отразивших увиденное в художественной форме имеют явные точки соприкосновения, во-первых, друг с другом, во-вторых, с трудами ученых, анализировавших процессы, развертывающиеся в Китае в XIX–XX вв. Таким образом, данное сопоставление – еще один аргумент в защиту того, что и путевые записки, литературные по форме произведения, – союзники сугубо рационального познания реальности.

«Зарисовки Китая» писательницы содержат, несомненно, интересный в познавательном плане материал об обычаях китайцев (свадьбах, похоронах, воспитании женщины). Но этот описываемый материал напоминает сюжеты из научных трудов этнологов, в нем трудно просматривается «я» автора, хотя, возможно, описываемое почерпнуто Г.И. Серебряковой в том числе и из ее наблюдений. В целом же можно сказать, что в «Зарисовках Китая» уже нашли отражение такие черты многих источников личного происхождения советского периода, как стандартные образы и ситуации, упор не на личность, а не на событие, идеологическая заданность [2. С. 315].

Эти черты, так или иначе, просматриваются и в «китайских рассказах» С.Е. Кожевникова, Б.Н. Полевого. Но при всем том они, на наш взгляд, более личностны по сравнению с «Зарисовками Китая» Г.И. Серебряковой. Особенно отчетливо эмоции, чувства (восторг, восхищение) проявляются при «общении» писателей с памятниками древности. Описания этих следов древнейшей культуры занимают значительную часть записок С.Е. Кожевникова, Б.Н. Полевого.

Если говорить об идеологической заданности заданности, то проявлением ее в анализируемых источниках было прежде всего концентрированное внимание писателей на сюжетах, связанных со становлением в Китае нового общества. По замечанию Б.Н. Полевого, «везде в республике... старина соседствует с новой» [1. С. 444]. Как символ нового он, например, рассматривает «старенькие ржавые велосипеды» членов комиссии сельскохозяйственного кооператива по проверке качества уборки рисовых полей, приставленные к ногам статуи древнего минского воина [1. С. 444]. С большой художественной выразительностью передает писатель атмосферу в театре города Сианя: «зал был битком набит», «морщинистый старичок... застыл в неудобной позе, околдованный тем, что происходило на сцене», «глаза у многих были мокры» [1. С. 455–456]. Этот сюжет выступал у Б.Н. Полевого своеобразным символом процесса приобщения народа к искусству – не без основания, – так как он не преминул заметить, что «в рядах, от первого до последнего, сидели простые люди», что «оперной» публики, как ее представляют европейцы, вовсе не было».

Один из сюжетов записок С.Е. Кожевникова – жизнь национальных меньшинств. Символами новой жизни в данном случае выступают институт национальных меньшинств, встреча и разговор со студентом из народности кава [1. С. 412].

В записках обоих писателей достаточно много пафосности, штампов (новые многоэтажные дома, строящиеся заводы, учебные заведения и т. п.). Но в них есть и детали, даже рассуждения, выходящие за рамки заданности. К примеру, в записках С.Е. Кожевникова есть описание жилища крестьянина: «Он живет в фанзе без окон, разделенной тонкой бамбуковой жердочкой на две половины. В одной из них спят на соломе два буйвола, в другой люди, тоже на соломенной подстилке. В фанзе нет ни постелей, ни стола, ни стульев. Семья ест на шишковатом глиняном полу» [1. С. 409]. Подобные картинки быта, включенные в текст рассказа о сохраняющихся старинных обычаях (даже жертвоприношениях), определенно снижают градус оптимизма относительно масштабов и глубины внедрения нового за первые годы коммунистического правления, обращают внимание на сложность проблем, связанных с социалистическими преобразованиями.

Нестандартны рассуждения Б.Н. Полевого, сомневающегося в том, что профессия рикши обязательно должна считаться его унижением. Свое сомнение он, однако, строит на идеологической основе: «вот когда в коляске изможденного рикши восседал надменный империалист...» – это одно, а «когда труженик везет другого труженика» – это уже другое [1. С. 447].

Таким образом, при всей своей ограниченности анализируемые записки советских писателей не лишены информационной источниковой ценности. Литературный дар писателей, их умение отмечать детали, при всех идейно-политических оковах, делали их отражением определенных реальностей жизни Китая и его народа. Эти труды расширяли представления советских людей о древней китайской цивилизации, ее величии. То есть их культурно-познавательная ценность несомненна. В то же время они «работали» и на утверждение идей коммунизма в сознании советских людей, в частности идеи о неизбежности его победы в мировом масштабе, коль скоро на путь к движению к этой цели встала такая страна, как Китай.

Анализируемых авторов, как было показано, разделяет многое: эпохи, время, талант, идейные убеждения. Но в них есть и общее. Одно из его проявлений – подчеркивание трудолюбия китайцев. В контексте разных тематических линий неоднократно обращает внимание на это качество Н. Спафарий [1. С. 23, 33]. И.А. Гончаров почти дословно повторяет Н. Спафария: «китайцы – живой и деятельный народ: без дела почти никого не увидишь», «нет также какого-нибудь недопаханного аршина земли» [1. С. 87, 97]. Спустя сто лет после И.А. Гончарова трудолюбием и выносливостью китайцев восторгается советский писатель С.Е. Кожевников, рассматривая из окна самолета искусственные террасы по склонам гор [1. С. 399]. Есть, таким образом, все основания полагать, что, несмотря на все исторические повороты, китайский народ сохранял пиететное отношение к труду как важнейшей жизненной норме. И это отношение занимает свое место среди причин, объясняющих достижения современного Китая.

Сквозной сюжет всех анализируемых путевых записок – конфуцианство как стержень китайской культуры. Н. Спафарий воздает ему должное, прежде всего за «приказания об обычаях и нравах и гражданских добрых делах» [1. С. 27]. Он даже сетует по поводу того, что «древние наши философы не токмо не написали, но во сне не видали» подобных приказаний [1. С. 27], т. е. свода морально-нравственных жизненных норм и правил. Однако при этом, констатируя деятельность в Китае иезуитов (католических миссионеров), Н. Спафарий надеется, что соперниче-

ство католичества и православия закончится победой последнего. «Мы же толкуем, – пишет он, – что помощью Божию и царского величества счастьем скорым временем в Китае будет православию греческое...» [1. С. 29].

О судьбе конфуцианства в условиях активной деятельности в Китае католиков и протестантов размышляет и И.А. Гончаров. «Учение Конфуция, – справедливо замечает он, – не религия, а просто обиходная нравственность, практическая философия, не мешающая религии» [1. С.105]. Отталкиваясь «от религиозного индифферентизма китайцев» и их «практического и промышленного духа», И.А. Гончаров склонен считать, что им «более по плечу дух протестантской, нежели католической, проповеди» [1. С. 105]. Но, наблюдая «соперничество между распространителями, писатель сомневается в конечном успехе христианства в Китае.

Для Н. Гарина-Михайловского, человека европейского склада ума, представителя технической интеллигенции, конфуцианство – одна из причин того, что «в земледельческих орудиях никакого прогресса» нет, потому что китайцы делают то же самое, что делали их мудрые предки: так же боронят, так же собирают удобрения на полях, так же делают муку. Но он уверен, что китайцы «при их любви к труду и энергии» смогут, во всеоружии европейского прогресса, достичь многого, и тогда «в лице их может подняться грозный вопрос их мирового владычества» [1. С. 190]. Фраза о «грозном вопросе мирового владычества» китайцев, скорее всего, не была случайной. На рубеже XIX–XX вв. в российском обществе развернулась весьма оживленная дискуссия о Китае. Некоторые ее участники (генерал А.Н. Куропаткин, философ В.С. Соловьев) усматривали в пробуждающемся Китае угрозу христианской цивилизации [3. С. 568]. Вполне уместно предположить, что Н. Гарин-Михайловский был в курсе той полемики.

Основные выводы

1. Представленный в работе материал в полной мере подтверждает известное положение о безусловном влиянии фактора времени на источники личного происхождения, в том числе и на путевые записки. А это значит, что сама общественно-политическая атмосфера того или иного времени и исторические процессы, ее сопровождающие, не могут изучаться исторической наукой без такого рода источников.
2. Анализируемые в работе путевые записки относятся к жанру литературных произведений, поскольку их авторы используют художественно-образную форму для отражения действительности. Однако в этих трудах грань между ее эмоционально-чувственным и рациональным воспроизведением не является абсолютной. По нашему мнению, в условиях информационного общества размытость этой грани будет усиливаться и, таким образом, будет повышаться значимость такого рода литературных произведений как исторических источников для науки.
3. Личности авторов путевых записок, независимо от времени их написания, идейно-политических воззрений, разнообразия суждений о роли конфуцианства объединяет в целом толерантное отношение к китайскому народу, признание уникальности и значимости китайской цивилизации в мировой истории. Объяснение этому лежит, по нашему мнению, в феномене русской культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Романенко А.Д. Китай у русских писателей. – М.: Алгоритм, 2008. – 528 с.
2. Соколов А.К. Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика: учебник / А.К. Соколов, Ю.П. Бокарев, Л.В. Борисова и др. // под ред. А.К. Соколова. – М.: Высш. шк., 2004. – 284 с.
3. Сандулов Ю.А. История России: Россия и Восток. – СПб.: Лексикон, 2002. – 736 с.

Поступила 13.11.2013 г.